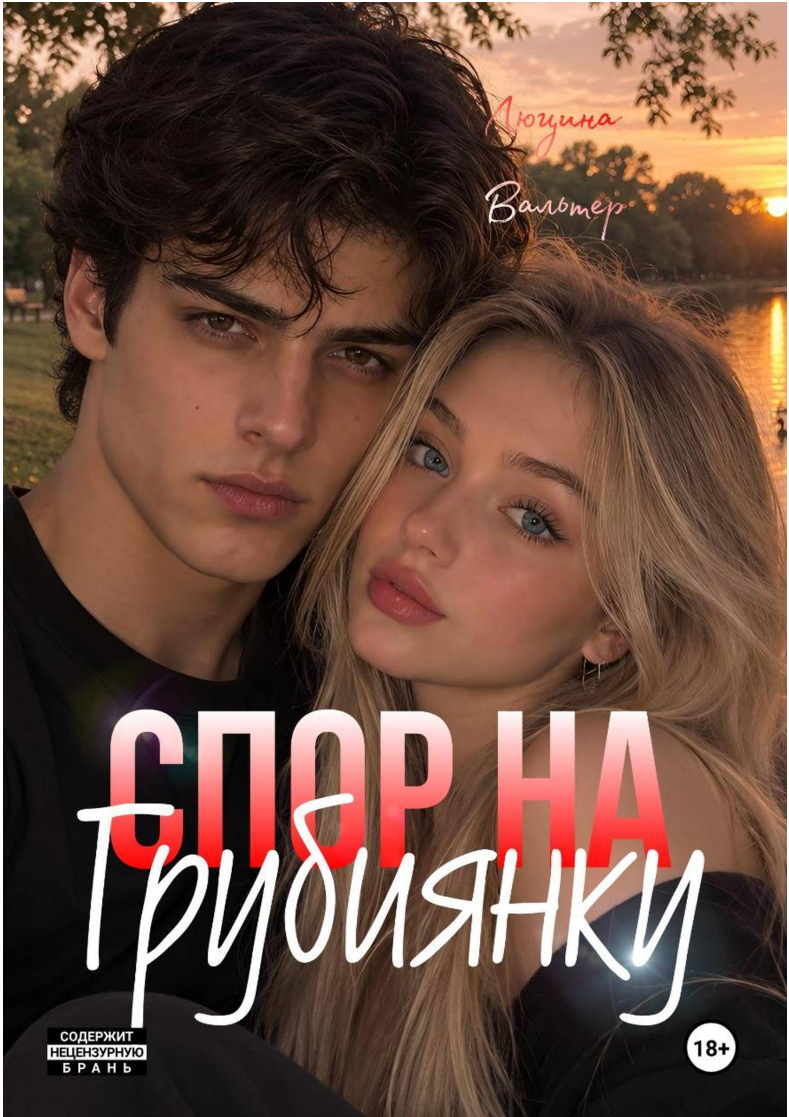
Люцина
Вальтер
СПОР НА
Грубиянку
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Люцина Вальтер

Спор на грубиянку

https://litres.ru/74916478
SelfPub; 2026

Аннотация

Я купил ей банановую вату — огромное, пушистое облако на тонкой палочке, — и она взяла его обеими руками, осторожно, будто оно могло рассыпаться. Откусила кусочек и зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно? — спросил я, хотя и так видел ответ.

Она кивнула, и в её глазах снова плескалось море — тёплое, летнее, благодарное. И в этот момент я понял, что тачка, пари и всё остальное стало вдруг таким далёким и неважным, что я почти забыл, зачем вообще начал этот спор.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Люцина Вальтер
Спор на грубиянку

Глава 1

Опаздываю. Боже, как я опаздываю. Сердце колотится где-то в горле, а ноги, кажется, вообще перестали меня слушаться. Даже кофе, который я успела купить, совсем не радует — он обжигает ладонь сквозь тонкий картон стаканчика, и я перекладываю его из руки в руку, шипя сквозь зубы. Ну почему, почему я не настояла на своём? Говорила же маме разбудить меня пораньше — нет же, «успеешь, доча, куда ты денешься». Вот и «успела». На первую пару уже звенит звонок, а я ещё даже не вышла из кафе.

Я неслась к выходу как угорелая, лавируя между столиками, задевая чьи-то сумки и извиняясь на ходу. В голове одна мысль — успеть, успеть, успеть. И в этот момент я врезалась во что-то твёрдое. Нет, не во что-то — в кого-то. В стену, которая, как выяснилось, умела ругаться.

Крышка стаканчика — та самая, которую я в спешке закрутила кое-как, — предательски соскочила, и всё содержимое, весь этот горячий, сладкий, только что купленный кофе, выплеснулось на парня. Тёмное пятно мгновенно расползлось по его светлой футболке — явно недешёвой, судя по ка-

честву ткани. Я замерла, чувствуя, как краска заливает лицо.

Он выругался — громко, смачно, так, что обернулись те, кто стоял у стойки. А потом уставился на меня. Тёмные глаза, сведённые брови, плотно сжатые губы. Взгляд такой, будто я только что сожгла его дом.

— Тебе очки подарить? — рявкнул он, брезгливо оттягивая мокрую ткань от тела. — Нихрена не видишь!

Я округлила глаза. Что-то внутри меня — то самое, что мама называет «характером» — вскипело и поднялось из груди к горлу. Извиняться? Перед этим? Ну уж нет. Руки сами собой сжались в кулаки, а подбородок вздёрнулся.

— Хамло! — фыркнула я, и голос мой, к счастью, не дрогнул. — Сам виноват, стоишь в проходе. Глаза разуй, тебя тут вообще быть не должно.

Он шагнул ближе — так близко, что я почувствовала запах его парфюма, смешанный с ароматом моего злосчастного латте. Положил руку на моё плечо и сжал. Не грубо, но ощутимо — так, что я поняла: он не привык, чтобы ему перечили. Особенно такие, как я.

— Я хамло? — переспросил он, и в голосе прорезалась какая-то холодная, насмешливая угроза. — Да ты хоть знаешь, кто я?

Я скинула его руку со своего плеча — резко, так, что он чуть отшатнулся. Сердце колотилось уже не от спешки, а от этой странной, злой смелости, которая бывает только в двадцать лет, когда тебе нечего терять.

— Знаю, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза. — Очередной придурок с раздутым самомнением.

И, не дожидаясь ответа, обошла его — плечом вперёд, чувствуя спиной его взгляд, — и направилась к выходу. Дверь хлопнула, отсекая шум кафе. Улица дохнула прохладой, и только теперь я заметила, как дрожат мои руки. Кофе перехотелось. Даже на лекцию идти перехотелось. В голове звенело от этой короткой, глупой, нелепой ссоры. И почему-то — я сама не поняла почему — губы против воли растянулись в улыбку.

Первую лекцию я прогуляла. Не то чтобы я была из тех, кто прогуливает — наоборот, мама всегда говорила, что я «ответственная до тошноты», но сегодня был особый случай. Слишком много всего случилось за какие-то пятнадцать минут. Я сидела на широком подоконнике в холле второго этажа, подтянув колени к груди, и смотрела в окно, где серое небо роняло мелкие капли дождя. В коридоре было почти пусто, только где-то вдалеке гудел принтер да постукивали шаги. Запах мокрого асфальта и старой краски — привычный, успокаивающий, но сегодня он почему-то раздражал. Я всё ещё чувствовала на ладонях липкую сладость от пролитого кофе и как подрагивают пальцы после той глупой ссоры. В голове снова и снова прокручивался его взгляд — тёмный, резкий, будто я его чем-то смертельно обидела. И зачем я вообще полезла в бутылку? Могла же просто извиниться и уйти. Но нет, гордость взыграла.

Прозвенел звонок — резкий, дребезжащий, отчего я вздрогнула. Двери аудиторий распахнулись, и коридор мгновенно наполнился шумом: топот, смех, обрывки разговоров, шелест страниц. Настя выбежала первой — я узнала бы её из тысячи. Ярко-рыжий шарф развевался за спиной, как флаг, в руках — ворох тетрадей, которые она прижимала к груди, словно сокровище. Она заметила меня сразу, и её лицо — живое, веснушчатое, с вечно приподнятыми бровями — вытянулось от удивления.

— Ты где была? — выпалила она, подлетая ко мне. — Я тебе сообщения писала, ты не отвечала! Я думала, случилось что.

Она кинула рюкзак на пол — прямо под окно, не глядя, — и ловко забралась на подоконник рядом со мной, поджав под себя ноги. От неё пахло знакомыми духами — сладкими, с ноткой ванили, — и от этого запаха мне вдруг стало немного легче.

— Я пролила кофе на какого-то парня, — выдохнула я, чувствуя, как щёки снова начинают гореть от одного воспоминания. — И не пошла на лекцию. Просто... не смогла.

Настя округлила глаза. Её рот приоткрылся, потом закрылся, потом снова открылся.

— Ты сделала что? — переспросила она, будто я сказала, что ограбила банк.

— Он стоял прямо в проходе, — начала оправдываться я, и голос мой звучал жалко даже для меня самой. — Пони-

маешь? Прямо в проходе! Я неслась, ничего не видела, а он как из-под земли вырос. Я не хотела его обливать. Просто крышка плохо закрылась.

— Плохо закрылась, — эхом повторила Настя, и в её глазах заплясали знакомые искорки — те самые, что появляются, когда она чует хорошую историю. — И что он сказал?

Я поморщилась.

— Сказал, подарить ли мне очки. И ещё что-то в этом духе. На «хрен» там было, не помню дословно.

— А ты?

— А я сказала, что он хамло. И что сам виноват.

Настя хмыкнула и откинулась спиной на стекло, отчего оно тихо звякнуло. Она смотрела на меня с каким-то странным, почти восхищённым выражением.

— А ты знаешь его? — спросила она, и голос её стал заговорщицким.

Я задумалась. Честно, по-настоящему задумалась, прокручивая в голове его лицо — резкие скулы, тёмные волосы, чуть длинноватые на затылке, глаза... Я ведь правда ни разу его не видела. За два года учёбы я знала всех, кто хоть как-то выделялся — а этот... этот парень смотрел так, будто весь мир ему должен. Таких не забывают.

— Как-то раньше не замечала его, — призналась я, пожав плечами. — Может, он новенький. Или с другого факультета.

Настя вздохнула — протяжно, театрально, словно в пло-

хой мелодраме. Она поправила шарф, съехавший с плеча, и посмотрела куда-то вдаль, в конец коридора, где всё ещё сновали студенты.

— Интересно посмотреть, кто же это, — протянула она, и уголки её губ поползли вверх. — Облитый кофе мажор. Звучит как начало великой истории.

Я фыркнула и толкнула её плечом.

— Не начинай. Просто какой-то придурок. Забудь.

Но внутри, где-то глубоко под рёбрами, что-то ёкнуло. Я сама не могла понять — то ли от злости, то ли от чего-то другого, чему я пока не хотела давать имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.